

MARIA NENAROKOVA

 <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН

Москва, Россия

Смерть животных в барочной эмблеме

Смерть – одна из реалий существования всего живого на Земле, по выражению известного российского медиевиста Арона Яковлевича Гуревича, «один из коренных ‘параметров’ коллективного сознания»¹. Обойти это явление, избежать с ним соприкосновения не удалось еще никому. Смерть поучительна, во все исторические эпохи разговоры о переходе в мир иной и загробной участи служили воспитанию человека, призывали его к нравственному совершенствованию. Французский гуманист и переводчик Жан де Возель (ок. 1495 – ок. 1559) передал эту идею так: «Образы Смерти – это настоящее и подлинное зеркало, по которому человек должен выправлять уродства греха и украшать душу»². Немалую роль в воспитании человека при помощи образов смерти играла барочная эмблема.

По определению, сформулированному известным российским искусствоведом Михаилом Николаевичем Соколовым, «под эмблемой как таковой понимают символически-нравоучительную картинку с кратким девизом и более подробным разъяснительным текстом, часто стихотворным»³. Миланский юрист и гуманист Андреа Альчиато (1492–1550), которого справедливо называют «отцом» барочной эмблемы, полагал, что словесная эмблема благодаря художникам или ювелирам воплощается в «объекты, которые мы называем значками и которые пристегиваем на шляпы или

¹ А.Я. Гуревич: *Предисловие*. В: Ф. Арьес: *Человек перед лицом смерти*. Пер. с фр. и общий ред. С.В. Оболенская. Предисл. А.Я. Гуревич. Москва 1992, с. 528 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pedlib.ru/Books/6/0233/6_0233-264.shtml [дата обращения: 18.07.2018].

² Там же.

³ М.Н. Соколов: *Мистерия соседства. К метаморфологии искусства Возрождения*. Москва 1999, с. 145.

используем в качестве торговых марок, как, например, якорь у Альдуса, голубка у Фробена»⁴. Изображение, которое является частью эмблемы, становится иллюстрацией некоей идеи, а стихотворный текст объясняет изображение⁵. Девиз же выступает в роли заглавия ко всей композиции. В первом издании *Книги эмблем* (1531) Альчиато еще не было иллюстраций⁶, но краткие стихотворения, которые он включил в нее, столь ярко и наглядно описывали и «объекты», и их сочетания, что переиздания уже сопровождалось гравированными картинками.

Краткий обзор истории жанра показывает, что эмблема быстро снискала популярность в Европе. Одним из первых последователей Альчиато – на французской почве – был французский гуманист Гийом де Ла Перье, издавший свою первую книгу эмблем *Théâtre des bons engins* в Париже в 1539 г. На год позже его соотечественник Жиль Коррозе издал свою книгу эмблем *Hecatographie* (1540). Как кажется, искусство составления эмблемы не знало государственных границ: с одной стороны, фламандец Ян ван дер Ноот перебрался из Антверпена в Англию, спасаясь от преследований за протестантизм, и его книга эмблем *A Theatre for Worldlings* (1569) была издана в Лондоне⁷; с другой, его современник Джеффри Уитни поселился в Лейдене (Нидерланды), и там же была напечатана его книга эмблем *A Choice of Emblems and Other Devises* (1586)⁸. А уроженец Антверпена Отто ван Веен не покидал родной город и издал там несколько книг эмблем, например, *Amorum emblemata, figuris aeneis incisa* (1608). Много сборников эмблем выходило в Германии, одна из них – *Emblemata* (1581) Николая Ройснера, вышедшая во Франкфурте-на-Майне⁹. Пожалуй, самым знаменитым создателем эмблем как в Германии, так и во всей Европе был немецкий гуманист, врач и ботаник Иоахим Камерарий Младший. Его перу принадлежат книги *Emblemata ex animalibus quadrupedibus* (1595), *Emblemata ex volatilibus et insectis* (1596), *Emblemata ex aquatilibus et reptilibus* (1604), символы для которых автор взял из мира четвероногих, крылатых существ и насекомых, а также рептилий и обитателей моря. Авторы эмблем – англичане – немногочисленны, самым известным, пожалуй, является Генри Пичем, в 1612 г. издавший сборник *Minerva Britannia*. Его книги в Англии помнили и читали еще в начале XIX века. Первый сборник эмблем, имевший отношение к России, был

⁴ Д.А. ЗЕЛЕНИН: «*Quid sit emblemata?*»: эволюция семантики эмблемы от античности до Андреа Альчиато, «Новый филологический вестник» 2015, № 3(34), с. 37.

⁵ Там же, с. 36.

⁶ Там же, с. 37.

⁷ *The English Emblem Tradition*. «Index Emblematicus». Vol. 1. Toronto 1988, с. 5.

⁸ Там же, с. 83.

⁹ А.Е. МАХОВ: *Эмблематика. Макрокосм*. Москва 2014, с. 13.

издан по приказу Петра I в 1705 г. в Амстердаме¹⁰. Этот сборник лег в основу труда Н.М. Максимовича-Амбодика *Избранные эмблемы и символы на российском, латинском, французском, немецком и английском языках объясненные, прежде в Амстердаме, а потом во граде Св. Петра 1788 года, с приумножением издавшие Статским Советником Нестором Максимовичем-Амбодиком* (1788), изданного в Санкт-Петербурге в 1788 г.

Три особенности эпохи барокко важны для понимания дидактической роли эмблемы. Во-первых, это время отличалось «тяготением [...] к вещам зыбким и трудно определенным, к границе жизни и смерти»¹¹. Вторая важная черта барокко – не просто интерес к проблеме смерти, но «к сосредоточению мыслей и чувств на самом моменте физической смерти»¹². Третья черта, присущая всей культуре барокко, – аллегоричность, индизнаказательность. Все эти черты отражаются в барочной эмблеме.

В сборниках эмблем тема смерти, в частности, смерти животных, представлена достаточно широко. Изображение как элемент эмблемы показывает нам, что окружающий нас мир конечен. В сборнике, составленном талантливым врачом Н.М. Максимовичем-Амбодиком, мы видим картины смерти живых существ: вот аист поедает змею (девиз «Желал бы я их всех перегубить»¹³) (рис. 1), лев убивает обезьяну (девиз «Для собственного моего здоровья. Для уврачения»¹⁴), носорог поддевает рогом медведя (девиз «Гнев возбуждает силу»¹⁵), слон топчет змею, которая в свою очередь пытается его ужалить (девиз «Даром не пройдет. Ты будешь за то наказана»¹⁶).

Глядя на эмблемы, мы видим сам момент смерти, например, в горло свиньи втыкают нож (девиз «И свинья, пока ее не убьешь, не может быть полезной; и состояние скупца, пока он жив, никому не приносит пользы»¹⁷), а иногда и натуралистические последствия смерти, которые так любили изображать в эпоху барокко: стайка мух летает вокруг мертвого льва (девиз «Воинская награда. Плоды брани»¹⁸) (рис. 2).

Человек эпохи барокко воспринимал окружающий его мир как огромную книгу вселенной, и все, что он видел вокруг себя, служило знаками, составляющими аллегорические картины, что было унаследовано от Средневековья. Как писал Блаж. Августин в книге *О Граде Божиим*: «[...] из

¹⁰ Того же: «Печать недвижных дум». *Изначальная двойственность: эмблема в жизни и в книге*. В: *Эмблемы и символы*. Москва 1995, с. 18.

¹¹ Ф. АРЬЕС: *Человек перед лицом смерти...*

¹² Там же.

¹³ Н.М. МАКСИМОВИЧ-АМБОДИК: *Emvlemy I Simvoly (1788). The First Russian Emblem Book*. Ред. и пер. А. HIPPISLEY. Leiden 1989. CVI, с. 73, № 283.

¹⁴ Там же, с. 109, № 426.

¹⁵ Там же, с. 109, № 425.

¹⁶ Там же, с. 109, № 428.

¹⁷ А.Е. МАХОВ: *Эмблематика. Макрокосм...*, с. 351.

¹⁸ Н.М. МАКСИМОВИЧ-АМБОДИК: *Emvlemy I Simvoly...*, с. 145, № 573.

своего рода красноречия [...] вещей [...] образуется красота мира»¹⁹. Эта же мысль была развита знаменитым богословом XII в. Гуго Сен-Викторским: «Весь этот вот чувственно воспринимаемый мир есть словно бы книга, написанная перстом Божиим, то есть создан Божественной силой, и отдельные создания суть словно бы некие образы, выдуманные не по человеческому указанию, но созданные Божественной волей, чтобы открывать премудрость Божию о невидимом»²⁰. В качестве знаков воспринималось все – стихии, люди обоего пола и разного возраста, животные, рептилии, растения, камни, самые разные предметы. Соединение этих знаков (не больше трех, как правило) позволяло в мире-книге вычитывать некие истины. Так, эмблема из сборника Н.М. Максимовича-Амбодика, на которой изображаются древнегреческий бог Аполлон, убивающий дракона Пифона, хтоническое божество, злую силу тьмы, позволяет прочесть следующую мысль (девиз): «Полезен целому миру. Смерть единого обещает многим жизнь»²¹ (рис. 3).

Согласно Гуго Сен-Викторскому, элементы, входящие в эмблему, подобны многозначным словам, но гораздо более емки: «Значение вещей гораздо разнообразнее, чем значение слов. Ибо лишь немногие слова имеют больше двух или трех значений; вещь же может обозначать столько других вещей, сколько она имеет общих с другими вещами свойств, видимых и невидимых»²².

Если обобщить те эмблемы, темой которых является смерть животных, то наиболее часто встречающимися животными оказываются олень, лев, из мифологических существ феникс.

Так, раненый олень становится символом нечистой совести. На эмблеме из сборника представителя английской эмблематической традиции Генри Пичема *Minerva Britanna* – «Британская Минерва» – изображен олень, пронзенный стрелой: «Так часто мы видим человека, которого дурная совесть внутренне терзает смертельной раной»²³ (рис. 4). А вот эмблема из книги Жана Коррозе *Hecatographie* (1540), комментарий к которой гласит: «Когда олень смертельно ранен, не к чему ослаблять тетиву лука, ибо этим уже ничего не исправишь: ослабленная тетива не сможет его вылечить»²⁴. Девиз этой эмблемы «Утихомирив гнев, не устранишь обиды» (рис. 5). Эмблемы очень похожи, значение меняется, когда к изображению оленя добавляются лук и стрелы.

¹⁹ Блаж. АВГУСТИН: *О Граде Божиим*. Кн. 11. Гл. 18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bible.by/lib/book/augustine/city-of-god-11/18/> [дата обращения: 18.07.2018].

²⁰ H. DE S. VICTORE: *Eruditio didascalica*. В: *Patrologia Latina*. Vol. 176, col 814.

²¹ N.M. МАКСИМОВИЧ-АМБОДИК: *Emvlemy I Simvoly...*, с. 115, № 454.

²² H. DE S. VICTORE: *Eruditio didascalica...*

²³ H. PEASNAM: *Minerva Britanna*. London 1612, с. 4.

²⁴ Ф. АРЬЕС: *Человек перед лицом смерти...*, с. 310.

Согласно эмблеме в книге Яна ван дер Ноота (1569), вышедшей в Лондоне в переводе с фламандского языка, олень, которого ждет смерть от зубов охотничьих собак, означает безвременную смерть²⁵. Эмблема, созданная другим уроженцем Антверпена, Отто ван Вееном, изображающая застреленного оленя и Амура, преследующего другого оленя, расшифровывается как «непостоянная любовь»²⁶. Эта эмблема входит в «специализированный» сборник *Amorum emblemata* – «Эмблемы, [означающие] любовь».

Столь же многозначен образ льва. В сборнике эмблем Генри Пичема есть эмблема, изображающая мертвого льва, которого терзает хищная птица: если человек имеет нечистую совесть, его пороки привлекают врагов²⁷ (рис. 6). В сборнике *Emblemata* (1581), составленном Николаем Ройснером, зайцы, отгрызающие голову мертвого льва, символизируют тех, кто очерняет умерших²⁸. Есть и вариация этой эмблемы: вместо зайцев на эмблеме появляются щенки, о чем прямо говорится в комментарии:

Поскольку человек смертен, умерших не подобает оскорблять ни устной, ни письменной бранью. ...Слаб духом тот, кто ведет войну с призраками умерших и глумится над доблестными мужами после их смерти. Так всякий обозный маркитант, превзойденный великой силой Ахилла, метит своими стрелами в Гектора; так щенки кусают убитого льва...²⁹

Девиз этой эмблемы: «Сражаться с призраками нечестиво»³⁰. На эмблеме в сборнике, составленном Джефффри Уитни, англичанином, жившим в Лейдене, лев, на которого глядит завистливая собака, поедает свою жертву. Это символ жадных друзей или наследников, ожидающих наследства³¹. Находим в эмблемах и живого льва, причиняющего смерть другим существам. Сочетание разных зверей в эмблеме может сообщать о политических настроениях того времени. На английской эмблеме из сборника автора, скрывшего свое имя буквами «HG», лев загрызает волка. Волк здесь символизирует Рим, а лев английского короля. Так иносказательно рассказывается о конфликте Англии и Римской Церкви³² в эпоху

²⁵ J. VAN DER NOOT: *A Theatre for Worldlings*. London 1569, с. 8. В: *The English Emblem Tradition*. «Index Emblematicus». Vol. 1...

²⁶ O. VAN VEEN: *Amorum emblemata, figuris aeneis incisa*. Antuerpiae 1608, с. 241.

²⁷ Н. РЕАШАМ: *Minerva Britanna...*, с. 91.

²⁸ Ф. АРЬЕС: *Человек перед лицом смерти...*, с. 252.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 251.

³¹ G. WHITNEY: *A Choice of Emblems and Other Devises*. Leyden 1586, с. 133. В: *The English Emblem Tradition*. «Index Emblematicus». Vol. 1...

³² HG: *The Mirrour of Majestie*. London 1618, с. 69. В: *The English Emblem Tradition*. «Index Emblematicus». Vol. 2. Toronto 1998.

Реформации (рис. 7). Еще на одной эмблеме лев убивает обезьяну. Девиз этой эмблемы: «Льстец вредит благополучию государства», а объяснение: «Подобно тому как лев, которого терзает лютая сила темной болезни, чувствует быстрое улучшение, если съест обезьяну, – государь, который вышвыривает из дворца льстеца и зловещего интригана, избавляет королевство от вредоносного яда»³³.

Одна и та же аллегория может быть выражена при помощи разных животных. Так, застреленный дракон означает, что любви подчиняются все³⁴, раненый старый лис выражает ту мысль, что любви покорны не только юные, но и старые³⁵ (рис. 8). Мотылек, летящий на огонь³⁶, является символом губительной страсти. В сборнике Иоахима Камерария *Emblemata ex volatilibus et insectis* (1596) то же чувство символизирует орлица, погибающая от укуса гадюки³⁷.

Смерть животных становится символом Крестной Смерти Христа. Такие эмблемы находим в сборнике Генри Пичема. Если Агнец на алтаре легко опознается как символ Крестной Жертвы Господа³⁸ (рис. 9), то Феникс, сгорающий и воскресающий, означает одновременно Крестную Смерть и Воскресение³⁹. Есть и более сложные композиции, в которые включается феникс: смерть феникса от жалости при виде мертвого дерева и пересохшего источника ассоциируется с добровольной Крестной смертью Спасителя⁴⁰. Девиз этой эмблемы: «От любви и жалости мое сердце разрывается болью»⁴¹ (рис. 10).

Эмблемы часто заключают в себе некое поучение или обличение порока. Так, например, у Николая Ройснера в уже упоминавшемся сборнике *Emblemata* (1581) слепая родительская любовь изображается при помощи фигур слона и обезьяны. Слон, мудрое животное, губит и себя, и своего детеныша, оступившись и упав в ров, где детеныш находится. Эти неразумные действия слона символизируют «неумеренную родительскую любовь»⁴², которая «скорее вредит, чем приносит пользу, когда не умеет удержаться в пределах меры. Любящий знает, чего он хочет, но не знает, в своей глупости, что разумно: так получается, что он, слепой, любит порок»⁴³. Комментарий содержит и вывод-наставление: «Пусть разум

³³ H.G.: *The Mirrour of Majestie...*, с. 69.

³⁴ O. VAN VEEN: *Amorum emblemata, figuris aeneis incisa...*, с. 21.

³⁵ Там же, с. 235.

³⁶ Там же, с. 103.

³⁷ А.Е. МАХОВ: *Эмблематика. Макрокосм...*, с. 452.

³⁸ Н. РЕАСНАМ: *Minerva Britanna...*, с. 130.

³⁹ Там же, с. 19.

⁴⁰ J. VAN DER NOOT: *A Theatre for Worldlings...*, с. 12.

⁴¹ Там же, с. 12.

⁴² А.Е. МАХОВ: *Эмблематика. Макрокосм...*, с. 262.

⁴³ Там же.

всегда будет вождем достойной любви: если разум – не вождь, то это не любовь, а безумие»⁴⁴.

Если слон губит слоненка в минуту опасности, пытаясь его спасти, то у Гийома де Ла Перье в сборнике *Théâtre des bons engins* (1539) детеныш обезьяны гибнет в условиях, которые можно назвать вполне благоприятными, – в объятиях собственного родителя. Комментарий к эмблеме сообщает, что «обезьяна так крепко обнимает своих детенышей, что объятиями предаёт их смерти»⁴⁵. Эти губительные объятия символизируют «глупую страсть иных отцов к своим детям»⁴⁶: «лелея их с чрезмерной, безумной любовью, они молча сносят их дерзость, и когда дети расстаются с детством и вырастают, их уже не исправить»⁴⁷ (рис. 11).

Смерть различных животных должна напоминать о том, как непрочно земное благополучие. Так, рыба, выброшенная из моря на песок, символизирует великих мужей, впавших в немилость и удаленных в ссылку⁴⁸. Среди так называемых *aquatilibus* – «[обитателей] воды» находим и китов (Иоахим Камерарий. *Emblemata ex aquatilibus et reptilibus* (1604)), и рассматривая эмблему, на которой был изображен умирающий на морском берегу кит, человек должен был задуматься о вреде самоуверенности и отсутствия смирения: «Моя собственная тяжесть навлекла на меня жестокую смерть. Так да погибнет всякий упрямец, доверившийся собственной силе»⁴⁹. Комментарий к этой эмблеме учит: «сила, соединенная с мудростью, приносит пользу, а лишенная ее — сильно вредит тем, кто силой обладает»⁵⁰ (рис. 12).

Поскольку, как писал де Возелль, образ смерти должен помочь выправить «уродства греха»⁵¹, то эти грехи нужно назвать и показать. Так, например, у Джеффри Уитни «смерть обжор»⁵² символизирует следующая эмблема: на морском берегу мышь сунула голову в раковину устрицы, чтобы съесть ее; устрица в ответ захлопнула створки. Видимо, гибнут оба животных, и мышь, придушенная створками раковины, как мышеловкой, и укушенная мышью устрица. Эмблема в сборнике Гийома де Ла Перье *Théâtre des bons engins* (1539), изображающая двух соловьев, демонстрирует следствие греха тщеславия⁵³. Один из соловьев не выдержал напряжения, стараясь перепеть другого, и умер. Мораль эмблемы: «Многим, хотящим стать всемогущими

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, с. 27.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ G. WHITNEY: *A Choice of Emblems and Other Devises...*, с. 187.

⁴⁹ А.Е. МАХОВ: *Эмблематика. Макрокосм...*, с. 405.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Ф. АРЬЕС: *Человек перед лицом смерти...*

⁵² G. WHITNEY: *A Choice of Emblems and Other Devises...*, с. 220.

⁵³ А.Е. МАХОВ: *Эмблематика. Макрокосм...*, с. 508.

мэтрами в своем деле, изменил здравый рассудок: они так увлечены прозой и стихами, так страстно влекомы к знанию, что из-за этого чрезмерного желания стать образованными в конце концов лишаются жизни»⁵⁴.

Посредством образа смерти можно не только исправить порок, но и, по словам де Возелля, «украсить душу»⁵⁵. На эмблеме, взятой из сборника Иоахима Камерария *Emblemata ex animalibus quadrupedibus* (1595), мы видим благородную смерть. Чему нас учит смерть горностая? Девиз этой эмблемы: «Предпочитаю скорее умереть, чем запятнать себя»⁵⁶. Согласно комментарию, сопровождающему эмблему, горностай «предпочитает умереть от голода или жажды или быть пойманным охотниками, чем запачкать свою белоснежную и изысканную шерсть грязью или иной нечистотой, которая его окружает»⁵⁷. Этот комментарий разъясняется при помощи изображения: горностай окружен валом грязи, однако он предпочитает скорее умереть внутри этого вала, чем запачкаться, прорываясь из него (рис. 13). Урок созерцателю эмблемы: лучше умереть с честью, чем жить с позором.

Как видим, смерть живых существ – от мотылька до слона – равно поучительна для человека эпохи барокко. Насекомые, рыбы, змеи, птицы, животные становятся элементами наставления, которое можно не только прочесть, но и, увидев, навсегда закрепить в памяти. Барочная эмблема воспитывает душу, совершенствует ее, посредством воспоминания о смерти помогает ей избавиться от пороков и страстей, и в этом заключается одно из важнейших ее назначений в европейской культуре.

Рис. 1 – N.M. МАКСИМОВИЧ-АМВОДИК: *Emvlemy I Simvoly* (1788). *The First Russian Emblem Book*. Ред. и пер. А. HIPPISELY. Leiden 1989. CVI, с. 73, № 283.

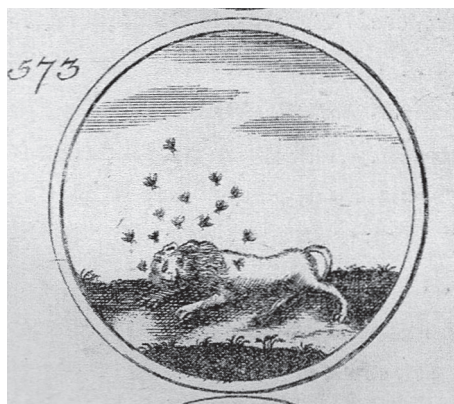

Рис. 2 – N.M. МАКСИМОВИЧ-АМВОДИК: *Emvlemy I Simvoly* (1788). *The First Russian Emblem Book*. Ред. и пер. А. HIPPISELY. Leiden 1989. CVI, с. 145, № 573.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Ф. АРЬЕС: *Человек перед лицом смерти...*

⁵⁶ А.Е. МАХОВ: *Эмблематика. Макрокосм...*, с. 303.

⁵⁷ Там же.

Рис. 3 – N.M. МАКСИМОВИЧ-АМВОДИК: *Emblemy I Simvoly* (1788). *The First Russian Emblem Book*. Ред. и пер. А. HIPPISELY. Leiden 1989. CVI, с. 115, № 454.

Рис. 4 – Н. РЕАЧАМ: *Minerva Britannia*. London 1612, с. 4.

Рис. 5 – А.Е. Махов: *Эмблематика. Макрокосм*. Москва 2014, с. 310.

Рис. 6 – Н. РЕАЧАМ: *Minerva Britannia*. London 1612, с. 91.

Рис.7 – HG: *The Mirrour of Majestie*. London 1618, с. 69. B: *The English Emblem Tradition*. «Index Emblematicus». Vol. 2. Toronto 1998.

Рис. 8 – O. VAN VEEN: *Amorum emblemata, figuris aeneis incisa*. Antuerpiae 1608, с. 235.

Рис. 9 – H. PEACHAM: *Minerva Britanna*. London 1612, с. 130.

Рис. 10 – J. VAN DER NOOT: *A Theatre for Worldlings*. London 1569, с. 12. B: *The English Emblem Tradition*. «Index Emblematicus». Vol. 1. Toronto 1998.

Рис. 11 – А.Е. Махов: *Эмблематика. Макрокосм*. Москва 2014, с. 278.

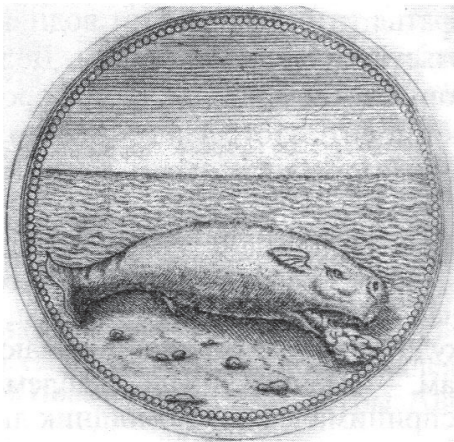

Рис. 12 – А.Е. Махов: *Эмблематика. Макрокосм*. Москва 2014, с. 405.

Рис. 13 – А.Е. Махов: *Эмблематика. Макрокосм*. Москва 2014, с. 303.

Abstract

The Death of Animals in the Baroque emblem

The Baroque emblem in an allegorical form conveys certain ideas to the reader. Man of the Baroque era perceived the world as a book. All elements of the universe served as signs, and certain ideas were conveyed with their help. The Baroque emblem, being a combination of the signs in question, represented an allegorical image. Death, the death of animals in particular, could teach a person a moral lesson, that is why the death of animals is represented quite widely in the emblem books. Emblems often contain a certain precept or denunciation of a vice, but they can point to a role model. Deer, lion, phoenix are represented most often in the emblems depicting the death of animals.

Keywords:

death, animal, Baroque, emblem, didacticity

Abstrakt

Śmierć zwierząt w barokowym emblemacie

Barokowy emblemat w alegorycznej formie przekazuje czytelnikowi pewne myśli. Człowiek epoki baroku postrzegał świat jako książkę. Wszystkie elementy wszechświata służyły jako znaki, przez które przekazywane były pewne idee. Barokowy emblemat jako kombinacja takich znaków reprezentował alegoryczny wizerunek. Śmierć, w szczególności śmierć zwierząt, może być dla człowieka lekcją moralną, więc w zbiorach emblematów barokowych dość szeroko przedstawiono temat śmierci zwierząt. Emblematy często zawierają pewną naukę lub pokazują wady, ale mogą również wskazywać na model do naśladowania. Najczęściej w emblematach przedstawiających śmierć zwierząt pojawiają się jelenie, lwy, feniks.

Słowa kluczowe:

śmierć, zwierzę, barok, emblemat, dydaktyka